

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСВЕЩЕНИЯ
ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Предложенная нашему вниманию статья состоит из двух неравных по объему частей. В первой из них в краткой тезисной форме излагаются взгляды Ю. В. Бромлея на содержание этнографической науки и ее связь с другими дисциплинами, излагавшиеся ранее более полно. В этой части статьи фигурируют ссылки преимущественно на работы Ю. В. Бромлея и его взгляды со ссылкой на учебник «Этнография», вышедший в издательстве «Высшая школа» в 1982 г. под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова, сказано, что они уже стали хрестоматийными. Хрестоматийные взгляды и обсуждать нечего, поэтому я сразу же перехожу ко второй, большей по объему части статьи, посвященной кардинальным вопросам истории этнографической науки — времени ее выделения из других наук и оформления в качестве самостоятельной дисциплины, а также роли различных этнографических школ и направлений в разработке теории и методики этнографических исследований.

Не могу не отметить ряда интересных моментов, во многом по-новому заставляющих нас взглянуть на привычные явления; это относится к высокой оценке трудов С. М. Широкогорова, на протяжении многих лет либо замалчивавшихся, либо подвергавшихся лишь критическому рассмотрению (пионером переоценки научного наследия С. А. Широкогорова, пожалуй, выступил А. П. Деревянко¹, но она касалась только специальной сферы изучения прародины и этногенеза тунгусо-манчжурских народов); к выявлению интересных мыслей Д. К. Зеленина на методику этнографической работы; к признанию известного значения работ К. Уисслера в разработке советскими специалистами гипотезы хозяйственно-культурных типов; к содержательным и глубоким характеристикам многих деятелей этнографии и т. д. Три проблемы с точки зрения автора этих строк заслуживают первостепенного обсуждения: время сложения этнографии как науки, принципы характеристики научных направлений внутри самой этнографии и роль структурализма в современной системе этнографического мышления.

Любая книга по истории науки начиналась до недавнего времени с анализа античного наследия: уже в рамках дошедших до нас текстов на древнегреческом языке выделены трактаты по медицине, зоологии и анатомии, геометрии, физике, астрономии. В настоящее время оформились такие самостоятельные области истории научного знания, как история древнеегипетской и вавилонской медицины и астрономии, древнеиндийской медицины и грамматики. Последнее интересно в том отношении, что свидетельствует об очень раннем выделении каких-то областей гуманитарного знания, на первых порах вообще более тесно связанного с философией и проникнутого синтетическими идеями. Причины этого особые, и не о них сейчас речь, здесь нужно подчеркнуть лишь, что нерасчлененность предмета исследования хотя и была свойственна до какой-то степени гуманитарной науке на ранних этапах ее развития, но эта нерасчлененность носила относительный характер, и, скажем, «История» Геродота и «Анналы» Тацита не только нами воспринимаются как крупные достижения античной исторической мысли, но и современниками воспринимались как исторические сочинения.

Каково в свете всего сказанного время возникновения этнографии как самостоятельной области научного знания? Авторы совершенно справедливо выступают против предложения С. П. Толстова считать началом этнографической науки год выхода в свет книги Л. Г. Морганна «Древнее общество». По-видимому, рождение той или иной науки

¹ Деревянко А. П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск, 1976.

вообще не может быть приурочено к какой-то точной дате, так как любая наука есть достаточно сложный конгломерат фактов, методических приемов и теоретических концепций, которые не могут быть созданы силами одного, даже гениального ученого. Но отказываясь от приоритета Л. Г. Моргана, Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков передают его В. Эдвардсу и А. М. Амперу, перенеся дату рождения этнографии на 50 лет назад. Ими, действительно, был предложен термин «этнология» (термин «этнография» известен в европейской литературе с начала XVII в.). А. М. Ампер поместил даже науку этнологию в разветвленную и детальную, хотя и очень искусственную, разработанную им систему классификации человеческого знания, опубликованную в 1834 г. в книге с модным тогда длинным названием «Опыт философии наук, или аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний». Но в том же «Опыте» было предложено не существовавшую тогда науку об управлении именовать кибернетикой. Означает ли это, что А. М. Ампера следует считать создателем кибернетики? Э. Зюсс предложил термин «биосфера» в 1875 г.; за этим термином скрывалось даже какое-то элементарное содержание. Для иллюстрации того, как сложны пути развития науки, любопытно отметить, что даже появление в 1926 г. «Биосферы» В. И. Вернадского — замечательной книги, обозначившей все контуры учения о биосфере, не стимулировало разработку этого учения, и оно начало интенсивно развиваться практически лишь с середины нашего столетия, став сейчас одним из краеугольных камней современного естествознания. Таких примеров можно было бы привести много.

Итак, появление термина, даже более или менее удачного, и начало развития самой науки — наверное, явления не обязательно синхронные, более того, возникновение науки не одномоментно, а занимает более или менее длительный период времени. Когда все же возникла этнография или этнология (последний термин, упраздненный в нашей стране в конце 1920-х годов, кажется мне более удачным как более широкий по содержанию и больше соответствующий сложившейся научной традиции: зоология, гистология, морфология, физиология, психология, палеонтология и т. д.)? Мне представляется совершенно справедливым ответ на этот вопрос, содержащийся в единственном на русском языке, действительно, академически полном двухтомном труде С. А. Токарева по истории этнографии. Первый том этого труда, как известно, — «Истоки этнографической науки», второй — «История зарубежной этнографии». Хронологический рубеж в изложении между ними — примерно XIX век, вернее говоря, третья четверть XIX в., когда возникло эволюционное направление в этнографической науке.

Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков не без оснований пишут об эволюционизме как об идейной основе многих гуманитарных наук в ту эпоху, и совершенно правильно указывают, что он не являлся специфической чертой только этнографических исследований. Скажем, один из крупнейших представителей французского литературоведения И. Тэн был последовательным эволюционистом позитивистского толка, и вообще это идейное течение под влиянием трудов Г. Спенсера и Ч. Дарвина широко распространилось в Европе. Но аргументируя свою мысль, авторы не считают Дж. Мак-Леннана и Э. Тайлора этнографами в современном понимании этого термина. Почему? Только потому, что Мак-Леннан и Тайлор мало писали о самих народах и много писали об их культуре и социальной организации? С этой точки зрения А. И. Першиц, многолетний руководитель сектора истории первобытного общества Института этнографии АН СССР и вдохновитель авторского коллектива трехтомного труда «История первобытного общества», уникального в современной мировой науке по охвату фактического материала и богатству теоретического содержания, также не может считаться вполне этнографом. Между тем даже с точки зрения авторов культура народов входит в предметную сферу этнографии, и поэтому трудно не считать этнографами занимавшихся ею и работав-

ших во второй половине прошлого века ученых только потому, что они не пользовались этнической терминологией и не вдумывались в специфику этнического: для этого тогда еще не настало время.

В дискутируемой статье верно, с моей точки зрения, отмечено, что широко используемое в истории этнографии понятие школы (эволюционная школа, функциональная школа и т. д.) носит в высокой степени условный характер. На этих страницах выше писалось о различных направлениях исследований, но и это узко и является больше данью традиции: речь идет о каких-то крупных идейных течениях, которые достаточно сложно переплетались в ходе конкретной истории. Не вызывает сомнения, что функционализм возник как отталкивание от эволюционизма и диффузионизма, как реакция на их крайности, но функционализм сам успел стать историей, а отголоски эволюционного подхода долго еще продолжали слышаться при исследовании истории человеческой культуры: что, как не эволюционизм, нашло свое отражение в советской археологической литературе 1920-х годов, на страницах которой господствовали автохтонизм и безудержная вера в трансформации даже контрастных форм материальной культуры друг в друга. Г. Ф. Дебеч неоднократно говорил автору этих строк, что основное достижение своей книги «Палеоантропология СССР» и предшествующих ей работ он видит в том, что он выступил против гипотезы повсеместного автохтонизма и продемонстрировал на конкретном палеоантропологическом материале роль миграций и переселений значительных человеческих коллективов в формировании древнего населения и его культуры в разных районах нашей страны.

Но именно потому, что сам функционализм представляет собою мощное идейное течение, так же, как и эволюционизм, проникающее в разные сферы наук о человеке, бесполезно нетрадиционно взглянуть на его истоки в этом контексте и на роль его творца и идейного вождя Б. Малиновского в оформлении системы взглядов функционалистов. В серьезных трудах по истории этнографии, например в книге С. А. Токарева, признается основополагающая роль деятельности А. Р. Рэдклиффа-Брауна в развитии концепции функционализма, но и там его фигура поставлена на второе место после Б. Малиновского. Между тем это дань традиции, не вполне соответствующая исторической последовательности событий. Пафос книги А. А. Никишенкова я вижу в том, что он отчетливо показал: хотя Малиновский и напечатал больше монографических работ, но первая формулировка нового подхода, бесспорно, принадлежит Рэдклиффу-Брауну². Обычно ссылаются на то, что «Аргонавты запада Тихого океана» Малиновского и «Андаманские острова» Рэдклиффа-Брауна вышли одновременно, в 1922 г., но при этом упускается из виду, что первое издание второй из этих книг, хотя и более краткое, было опубликовано в 1908 г. Возможно, затененность фигуры Рэдклиффа-Брауна по сравнению с личностью Малиновского объясняется эксцентричностью его манеры выражения, не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что Рэдклифф-Браун весьма критически относился к последним работам Малиновского, упрекал его в биологизаторском подходе к социальным институтам, предлагал даже называть его взгляды «малиновскианизмом». Но историческая правда должна быть восстановлена: значение трудов Рэдклиффа-Брауна в разработке теоретических основ функционализма и его педагогической деятельности в Англии, Австралии, Южной Африке и США, в его распространении огромно, и он безусловно разделяет честь быть основателем этого идейного течения в этнографии и изучении истории культуры вместе с Малиновским.

Я ни в коей мере не являюсь поклонником работ К. Леви-Стросса в их совокупности; зачастую неясная логика, потребовавшая, кстати сказать, от него самого во многих случаях дополнительных литератур-

² Никишенков А. А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

ных разъяснений; затемненность стиля, непривычная среди французских ученых; склонность к абстрактным рассуждениям, оторванным от конкретного фактического материала,— все это мешает целостному восприятию его взглядов. Многое из того, что приписано ему его учениками и горячими последователями, может быть, в менее явном виде, но содержится в трудах многих ученых предшествующих поколений. Проблему парных противопоставлений в обществе, занимающую большое место в концепции Леви-Стросса, Малиновский трактовал едва ли не глубже и интереснее в рамках более общего понятия симметрии, приложенного к социальным структурам. История этнографии дает нам много примеров своеобразного «мысленного пируэта»: при информативной недостаточности в области конкретных ли фактов или их социологической, экономической, хозяйственно-культурной, географо-экологической интерпретации исследователи часто прибегали к психологическому объяснению. Психологизм Леви-Стросса, во многом оторванный от конкретной жизни изучаемых им обществ и опирающийся на достаточно абстрактные, в значительной мере им самим предложенные модели психологических структур, не проверенные экспериментально ни психологически, ни физиологически, также нельзя считать сильной стороной его творчества.

Тем не менее отсутствие даже упоминания структуралистского направления в статье, посвященной школам и методам в этнографии, кажется не очень оправданным. Влияние структуралистов громадно во всех странах мира. В Институте этнографии АН СССР защищена кандидатская диссертация, посвященная творчеству К. Леви-Стросса, издаются на русском языке его работы, в наших журналах печатаются посвященные ему очерки, развиваются структуралистские исследования советских специалистов в изучении мифа, литературоведении, частично и истории, сама методология, да и методика имеют генетические корни в советской науке: «Морфология сказки» В. Я. Проппа была опубликована в 1928 г., когда Леви-Стросс был студентом. А главное — интерпретационная сила структуралистской концепции в ряде областей выше, чем ей предшествующих, она предлагает более общие объяснения.

В заключение не могу не сказать, что с благодарностью отношусь к инициативе «Советской этнографии», позволившей обсудить многие актуальные проблемы как содержания, так и истории этнографической науки.